

Пролог

Побережье Далматии поднимается из моря крутыми утесами. В неполной лиге от берега, на вершине высокого холма возле реки Крки и глядя на восток, на горные вершины, стоит городок Шибеник. Река возле него разливается широко и привольно, но ближе к морю снова сужается. Выше же по течению она вытекает каскадом звенящих водопадов из озера, которое обязано ей и другим рекам своим рождением.

В те дни, когда Ангевин Чарльз Роберт стал малолетним правителем хорватов и мадьяр, земли вокруг этих водопадов да и самого озера, кроме того места, где в него впадала Крка, заросли дремучими лесами. Леса эти давно уже вырубил, а землю распали. Чуть выше по течению, примерно в том месте, где в Крку впадает Чикола, вокруг замка своего хозяина-жупана теснилась деревенька Скрадин.

Но даже внутри стен замка дикие чашобы не давали о себе забыть. Мало того что по ночам слышался волчий вой, днем тывкали шакалы, на поля совершали набеги олени и кабаны, а иногда и рогатые великаны — лоси и зубры. В округе водились и зловещие существа: в дикой чаще — лешие, в глубине вод — водяные, а позднее, как шептались крестьяне, объявилась и вилия.

Иван Субич, местный жупан, не обращал внимания на болтовню своих крепостных. Он слыл человеком суровым, но справедливым, был близким родственником знаменитого бана Павле и потому знал, что за околицей деревеньки мир не кончается. К тому

же он провел долгие годы вдали от родных мест и много воевал. Сражения закалили его, но оставили на память многочисленные шрамы.

Его старший сын Михайло тоже не боялся лесных существ. Юноша давно успел позабыть услышанные в детстве сказки и легенды: образование он получил в монастыре в Шибенике, побывал в бурлящих жизнью портах Задар и Сплит, и даже один раз в Италии. Михайло мечтал о богатстве и славе, стремился прочь от скуки и однообразия, в которых прошло его детство. Отец помог ему попасть в свиту регента, Павле Субича.

Но в то же время он любил родные места и часто приезжал погостить в Скрадин. Здесь его знали как весельчака, отзывчивого, хоть иногда и безрассудного, привозящего с собой краски, песни и захватывающие истории о событиях, происходящих за пределами деревенского мирка.

Как-то утром в начале лета Михайло выехал из замка, направляясь на охоту. Его сопровождало шесть человек — три телохранителя и трое слуг, приехавших из Шибеника. Времена стояли относительно мирные — вражда, как среди венецианцев, так и среди могущественных кланов, поутихла, а последнего местного бандита Иван Субич укоротил на голову еще несколько лет назад. Тем не менее редкий мужчина отваживался отправляться в дальний путь в одиночку, а женщинам подобная мысль и в голову не приходила. С Михайло ехали и его младший брат Лука и двое свободных крестьян — проводники и подручные для тяжелой работы. Позади бежала стая гончих псов.

Вид у охотников был бравый. Михайло был одет по последней западной моде: зеленый кафтан и облегающие штаны, шафрановая рубашка, подбитая шелком накидка, полусапожки и перчатки с отворотами из Кордовы, длинные русые кудри над чисто выбритым лицом покрывала плоская бархатная шапочка. Когда его лошадь становилась чересчур игривой, висящий на поясе кинжал ударял его по бедру. На лошади Михайло сидел так, словно они составляли единое целое. Его слуги, выставившие вперед поблескивающие наконечники пик, выглядели почти столь же браво. Лука, одетый в сюртук, плащ до колен и бриджи, перетянутые крест-накрест ниже колен ремешками, внешне мало отличался

от крестьян — разве что одежда его была сшита из ткани получше, вышивка на рукавах красивее, а коническая шапка без полей оторочена соболем, а не кроличьим мехом. И он, и крестьяне вооружились короткими изогнутыми луками и ножами, пригодными для охоты на медведя.

Копыта прогромыхали по улице, глухо застучали по тропе за околицей. В отличие от франкских баронов, хорватская знать обычно уважала труд своих крестьян; приди Михайло в голову проскакать по нежной зелени засеянных полей, ему пришлось бы держать ответ перед отцом. Проезжая мимо выпаса, он перепугал нескольких телят, затрубив в охотничий рог, но изгородь не дала им разбежаться.

Вскоре охотники оказались в лесу, на охотничьей тропе. То был смешанный лес, дубы и березы — уходящие ввысь стволы, нависающие над головой ветви, шепот листьев, тенистые поляны и прогалины, куда солнечный свет пробивался золотыми искрами и пятнышками. В царившей здесь тишине даже птичье пение казалось далеким и приглушенным. Теплый воздух был тем не менее прохладен и полон запахов, не имевших ничего общего с запахами конюшни и коровника.

Гончие взяли след.

За несколько часов охотники добыли оленя, волка и выводок барсуков. Кабанихе удалось скрыться, но это не испортило им настроения. Добравшись до озера, они вспугнули стаю лебедей, пустили стрелы и трех подстрелили. Пожалуй, настало время возвращаться.

На берег в сотне ярдов от них вышел еще один олень. Лучи послеполуденного солнца золотили его белую шкуру в тех местах, где на нее не падали голубоватые пятнышки тени. Животное было крупное, чуть меньше лося, а дерево огромных рогов тянулось к небу.

— Святые угодники! — воскликнул Михайло, вскакивая. Рядом с оленем свистнуло две стрелы, но он оставался на месте до тех пор, пока охотники вновь не вскочили в седла, и лишь потом помчался прочь. Но не в густые заросли, сквозь которые не пробиться лошадям. Олень бежал по тропе, мелькая белым пятном в полумраке чащобы. Погоня оказалась тщетной. Животное мотало пресле-

дователей по всему лесу, а когда лошади выдохлись, а измученные собаки высунули языки, вернулось на берег озера.

В вечерних сумерках его тело светилось на фоне темных стволов. Солнце почти закатилось, оставив лишь желтый мазок на голубизне западного небосклона. Восток превратился в быстро густеющий пурпур, на котором уже замерцала ранняя звезда. В лощинах лежал туман. Над головами носились летучие мыши. Похолодало. Лес окутала тишина.

И, словно клочок тумана, увенчанное короной рогов животное замерцало и исчезло.

Михайло процедил сквозь зубы проклятие. Лука непрерывно крестился, слуги тоже. Оба крестьянина спешили, опустились на колени, сорвали с себя шапки и громко молились.

— Нас околдовали, — пробормотал Сиско, старший из крестьян. — Но кто? И зачем?

— Во имя Господа, уйдем отсюда! — взмолился его друг Дража.

— Нет, стойте! — набрался мужества Михайло. — Лошадям надо отдохнуть, иначе мы загоним их насмерть. И вы это знаете.

— Ты что, хочешь торчать здесь всю ночь? — произнес, запинаясь, Лука.

— Нет, только час-другой, пока не взойдет луна. Она осветит нам дорогу.

Слуга Михайло обвел взглядом ртутно поблескивающую гладь озера, зубчатую стену зарослей на дальнем берегу и умоляюще произнес:

— Господин, здесь не место для христиан. Тут бродят древние языческие бесы. Ведь мы гнались не за оленем, а за ветром, и теперь он исчез, словно ветер. Почему?

— И ты еще называешь себя горожанином? — усмехнулся Михайло. — Нас глаза подвели, вот и все. Чему тут удивиться, коли мы так устали? — Он взгляделся в лица своих спутников. — Для христианина любое место на свете годится, если в душе есть вера. Слезайте, призовем наших святых. Как тогда демоны смогут нам навредить?

Слегка прибодренные, остальные спешили, вместе помолились, расседлали лошадей и принялись вытирать их попонами. Над их головами зажигались все новые звезды.

Смех Михайло разорвал ночную тишину:

— Видите? Нам нечего бояться.

— Верно, нечего, — пропел за его спиной девичий голос. — Это и вправду ты, милый?

Михайло обернулся. Хотя он и его спутники превратились в силуэты среди теней, он очень ясно видел вышедшую из камышей девушку — такими светлыми были ее обнаженное тело и распущенные волосы, столь огромными и сияющими ее глаза. Она приблизилась к нему, широко разведя руки.

— Иисус и Мария, спасите нас, — простонал Дража. — Это вилия.

— Михайло! — негромко воскликнула она. — Михайло, прости меня, я пытаюсь вспомнить. Истинно пытаюсь.

Михайло все же смог устоять на подгибающихся ногах.

— Кто ты? — выдохнул он, тщетно стараясь успокоить колотящееся в груди сердце. — Чего ты хочешь от меня?

— Вилия, — прохрипел Сиско. — Демон, призрак. Отгоним ее молитвою, пока она не увлекла нас всех в подводный ад!

Михайло нащупал на груди крест, унял дрожь в коленях, встал перед существом и приказал:

— Во имя отца, и сына, и святого духа...

Но не успел он произнести «...изыди!», как она приблизилась к нему вплотную. Юноша разглядел точеные черты ее прекрасного лица.

— Михайло! — взмолилась она. — Это ты? Прости, если причинила тебе боль, Михайло...

— *Надя!* — завопил он.

Она замерла.

— Так меня звали Надя? — переспросила она, удивленно сведя брови. — Да, кажется, я была Надей. А тебя, конечно, звали Михайло... — Она улыбнулась. — Ну да, правильно. И я вызвала тебя к себе, милый. Так ведь?

Михайло испустил вопль, повернулся и помчался прочь. Его люди тоже разбежались по сторонам. Испуганные лошади бросились врассыпную.

Когда снова воцарилась тишина, вилия Надя осталась на берегу одна. Звезд на небе прибавилось. Последние отблески заката

исчезли, но небо на западе еще едва отсвечивало. Озеро, отражая это слабое сияние, превращало стоящую на берегу фигуру в плавно очерченный светлый силуэт. Поблескивали слезы.

— Михайло, — прошептала она. — Прошу тебя...

Потом она забыла обо всем, рассмеялась и неслышно скользнула в лес.

...Охотники вернулись домой по одному, но целыми и невредимыми. После рассказов Сиско и Дражи люди стали с еще большей опаской поглядывать в сторону чащи. Михайло не задержался в деревне ни на день более необходимого. Вскоре заметили, что он уже не тот веселый юноша, каким его привыкли видеть. Он стал проводить много времени с капелланом замка, а позднее и со своим исповедником в Шибенике. Через год он постригся в монахи. Его отца жупана это не осчастливило.

Книга первая

СПРУТ

1

Епископ Виборгский назначил Магнуса Грегерсена своим новым архидиаконом. Муж сей был более образован, чем прочие, поскольку обучался в Париже, к тому же честен и набожен, но люди считали его слишком строгим и говорили, что смотреть на его длинную тощую фигуру и вытянутую постную физиономию ничуть не приятнее, чем на разгуливающую по полю ворону. Но епископ посчитал, что нужен ему как раз такой человек, ведь за годы раздора, опустошившие Данию после смерти короля Эрика, епископская паства погрязла в распущенности.

Объезжая восточное побережье Ютландии в качестве ректора епископа, Магнус приехал в Элс — не на остров, а в одноименную деревушку. Сие бедное и отдаленное селение с юга и запада окружала чащоба, пересекаемая лишь двумя-тремя дорогами, с севера его отрезала Конгерслевская Топь, а с востока — пролив Каттегат. Каждый год в сентябре и октябре местные рыбаки вместе с тысячами других ловили в проливе сельдь во время ее большого хода, в прочее же время обитатели деревушки почти не общались с миром. Они тянули вдоль побережья свои сети и ковырялись на акрах тощей земли до тех пор, пока время и тяжкий труд не сламывали их, а кости их не успокаивались на вечный отдых рядом с маленькой деревянной церковью. В такой глухомани до сих пор частенько соблюдали древние традиции и обряды. Магнус считал подобные поступки язычеством и в душе скорбел о том, что у него нет подходящего и готового способа остановить неразумных.

И посему до поры скрываемое рвение проснулось в нем с новой силой, когда до него дошли некие слухи о происходящем в Элсе. Никто из местных жителей не захотел признаваться Магнусу, что ему известно о событиях, которые могли произойти с того дня, как четырнадцать лет назад Агнете вышла из моря. Тогда Магнус уединился с местным священником и сурово потребовал от него правды. Отец Кнуд, мягкий человек, родившийся в одном из крошечных домиков Элса, уже давно закрывал глаза на то, что считал мелкими грехами, дарящими его пастве хоть какую-то радость в их унылой жизни. Но ныне он стал стар и слаб, и Магнус вскоре вырвал из него всю историю целиком.

Когда ректор вернулся в Виборг, в глазах его пылало святое пламя. Он пришел к епископу и сказал:

— Мой господин, делая объезд вашей епархии, я обнаружил пригорьно много следов в тех местах, где потрудился дьявол. Но я не ожидал наткнуться на него самого — нет, вернее будет сказать, на целое гнездо его омерзительнейших и чрезвычайно опасных демонов. И тем не менее сие свершилось в прибрежной деревушке Элс.

— О чем говоришь ты? — сурово спросил епископ, ведь и он страшился возвращения древних языческих богов.

— Я веду речь о том, что неподалеку от берега таится целый город морских людей!

Епископ расслабился.

— Как интересно. Мне не было ведомо, что в датских водах и поныне остался кто-то из них. Они вовсе не дьяволы, мой добрый Магнус. Да, у них, как и у прочих животных, нет души. Но они не подвергают опасности спасение прочих душ, на что способны обитателей холмов эльфов. Воистину, они очень редко встречаются с племенем Адама.

— Но эти не таковы, мой господин, — возразил архидиакон. — Послушай, что довелось мне узнать. Два и двадцать лет назад жила неподалеку от Элса дева, при крещении нареченная Агнете Эйнарсдаттер. Отец ее был йоменом, и, по словам соседей, зажиточным, а сама девица отличалась красотой, и посему ей сулили удачное замужество. Но однажды вечером, когда девица прогуливалась в одиночестве по берегу, из моря выбрался водяной и, начав ухажи-

вать за нею, увлек с собой. Она провела в море, в грехе и безбожии, восемь лет.

Но настал день, и довелось ей вынести своего младшего ребенка на шхеру, дабы погрелся тот на солнце. С места сего слышны были церковные колокола, и как раз когда она сидела, покачивая колыбель, они зазвонили. Тоска по дому, если не раскаяние, пробудились в ней. Она вернулась к водяному и принялась умолять его отпустить ее снова послушать слово Господне. Тот с неохотою согласился и проводил ее на берег, но перед сим заставил ее поклясться не совершать трех поступков — не распускать свои длинные волосы, будто она незамужняя, не искать встречи с матерью в родной хижине и не склонять головы, когда священник произнесет имя Всевышнего. Но каждый из сих поступков она совершила: первый из гордости, второй из любви, а третий из страха. И тогда божественная милость сорвала чешую с ее глаз, и осталась она на земле.

Тогда водяной пришел на берег и начал ее искать. Вышло так, что день тот тоже оказался одним из святых, и отыскал он ее в церкви во время мессы. Когда же вошел он в церковь, лица на картинах и статуях обратились к стене. Никто из прихожан не посмел поднять на него руку — столь огромен и силен он был, и столь тяжел, что оставлял за собой глубокие следы, хотя дело было летом, а улица суха. Он умолял ее вернуться, напоминал о рыдающих без матери детях и вполне мог добиться своего, как и в прошлый раз. Ведь это не отвратительные создания с рыбьими хвостами, мой господин. Не будь у них широких перепончатых ног, больших слегка раскосых глаз, безбородых лиц у мужчин, да еще зеленых или голубых волос у некоторых, любой принял бы их за красивых людей. У водяного же сего волосы были золотистые, как у Агнете. И он не угрожал, речи его были полны любви и сожаления.

Но Господь укрепил силы Агнете. Она отказала ему, и водяной вернулся обратно в море.

У отца ее хватило как благоразумия, так и приданого, чтобы выдать ее замуж в другом месте, подальше от берега. Говорят, она больше никогда не была весела и вскоре умерла.